

Узденова Фатима Таулановна, Сарбашева Алена Мустафаевна

СКРЫТАЯ ИДЕОЛОГЕМА В ПОСЛЕВОЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. ГУРТУЕВА

Исследовано послевоенное творчество балкарского писателя Б. Гуртуева, выявлены попытки перехода к новым системам поэтического изображения, более ориентированного не на условные конфликтные пары, пришедшие из эпохи лозунговой эстетики, а на нейтральные материальные, конкретные объекты; средством реализации явилось создание особого типа идеологической оппозиции ? скрытой, или латентной, идеологемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Байзуллаев А. Л. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 402 с.
2. Байрамукова Ф. И. Саггышымы, алгышымы... (Ты мыслей моих, пожеланий...) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
3. Батчаев А. М. Тау артындан кьолтукълашыб... (Взявшись под руки, из-за горы...) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
4. Батчаев М. Х.-К. Турнала (Журавли) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
5. Бухарова И. Г. Поэзия Ксении Некрасовой: художественная интуиция и лирический пафос: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 19 с.
6. Есин А. Б., Касаткина Т. А. Система эмоционально-ценностных ориентаций // Филологические науки. М., 1994. № 5-6. С. 10-18.
7. Кожин В. В. Стихи и поэзия. М.: Сов. Россия, 1980. 304 с.
8. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. 448 с.
9. Толгуров Т. З. Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 285 с.
10. Тохчуков И. М. Кюнню кьачы (Достоинство солнца) // Антология карачаевской поэзии XVIII-XX веков. М.: Эльбрусид, 2006.
11. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 172-175.

ON THE PECULIARITIES OF THE LYRIC POEM IN KARACHAY-BALKAR POETRY

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
kbigi@mail.ru

In the article the author studies the peculiarities of artistic system of lyrical poetry of the Karachays and the Balkars, and identifies the main trends in the epistemological process: the aspiration for ethnicization of axiological, status and social concepts, and the search for adequate forms and composition decisions for the objective reflection of the lyrical hero's world outlook.

Key words and phrases: Karachay-Balkar poetry; lyric poem; genre; concept; ethnic consciousness.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

Исследовано послевоенное творчество балкарского писателя Б. Гуртуева, выявлены попытки перехода к новым системам поэтического изображения, более ориентированного не на условные конфликтные пары, пришедшие из эпохи лозунговой эстетики, а на нейтральные материальные, конкретные объекты; средством реализации явилось создание особого типа идеологической оппозиции – скрытой, или латентной, идеологема.

Ключевые слова и фразы: новописьменная литература; система поэтического изображения; послевоенная поэзия; идеологическая оппозиция; поэтика классового противостояния; политический утилитаризм; латентная идеологема; система скрытых противопоставлений.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.
Сарбашева Алена Мустафаевна, д. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
kbigi@mail.ru; kbigi@mail.ru

СКРЫТАЯ ИДЕОЛОГЕМА В ПОСЛЕВОЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Б. ГУРТУЕВА

Творчество одного из зачинателей балкарской литературы советского периода Б. Гуртуева в 30-х гг. прошлого века представляло собой один из ярких образцов художественного мышления, базирующегося на официальных государственных толкованиях эстетического как политически значимого явления. По сути дела, его ранние произведения представляют собой утилитарные тексты, ориентированные на пропаганду классовых дефиниций, на внедрение в массовое сознание моделей поведения, норм этики, официально признаваемых государством в качестве обязательных, обусловленные (собственно, как и у многих авторов этой поры) «стандартами безусловной классово-идеологической дихотомии» [6, с. 195]. Особенности этого периода развития новописьменных литератур подробно освещены в целом ряде исследований, детально разобрано довоенное творчество Б. Гуртуева (исследования З. Толгурова [5], А. Тепеева [4], А. Сарбашевой [3] и др.), мы же лишь упомянем, что его писательская манера и авторские устремления являлись, в большей степени, результатом его личного опыта. Перед Б. Гуртуевым вряд ли стояла проблема приспособления к требованиям социалистического общежития. Он, как социально активный гражданин, поддерживавший идеи и социальные устремления Советов, был полностью интегрирован в реалии нового строя. В этом смысле и его первые поэтические и прозаические

опыты воспринимаются не как результаты внешнего давления идеологической среды, а как плоды его искренней убежденности в справедливости пришедшего режима, как стремление доказать этическое превосходство нового мироустройства. По признанию самого поэта, он – сын «эпохи яростной, крутой» [2, с. 156].

Однако катастрофические события, постигшие балкарский народ в 40-х гг. прошлого века, тринадцатилетнее пребывание в положении изгоев должны были изменить его отношение если не к идеям коммунизма, то, хотя бы, к проводимой государством внутренней политике, к оценке реального положения дел в стране и – закономерно – к ценностным ориентирам, продвигаемым партией на роль эстетических и этических концептов.

Изменение в системах художественного отражения окружающего наблюдается в авторском и народном творчестве всех депортированных народов – это естественно. В частности, в послевоенном творчестве К. Кулиева и К. Отарова употребительность концептов типа «партия», «свобода», «государство», а также количество социальных и идеологизированных стихотворений существенно сократились, а у одного из самых ортодоксальных поэтов-партийцев Б. Гуртуева – практически сведены к минимуму: до единичных случаев, связанных с той или иной знаменательной датой или прямым партийным заказом.

Наиболее показательны в этом отношении крупные поэтические формы балкарского автора. Не касаясь «Поэмы о курице» – очевидно, неудачной попытке создания дидактического произведения, рассчитанного на детей, – мы должны констатировать, что обращение к их текстам выявляет сознательный и целенаправленный уход Берта Гуртуева от привычной ему этико-идеологической оппозиции, восходящей к традициям поэтики классового противостояния и политического утилитаризма.

Достаточно указать, что во всем текстуальном объеме поэмы «Жулдузхан», например, революции и борьбе за установление советской власти отведено всего лишь две строфы. Гуртуев демонстративно дистанцируется от всеобъемлющей для него в прошлом темы классового противостояния и, даже при открытом указании на события времен становления Советской власти, ограничивается краткими тропическими формулами, причем употребление их, скорее, освещает концепт этнического свободолюбия, нежели классового: «...Халкъ къозгъялыу кётюрюлюп, // Тенгизча, юфгюре эд, // Толкъунланы жаннына / Ашыкъдырып сюре эд. // Алтын окъа кюн тыякъла, / Жарытып тауну, тарны, // Жылытдыла, къобардыла / Мудах, къара Малкъарны» [1, с. 325]. / «...Народное недовольство, поднявшись, // Словно море заштормило, // Волны в разные стороны / Торопливо (нетерпеливо) погнало. // Тесьма золотых солнечных лучей / Осветила горы и ущелья, // Согрели, подняли / Печальную, темную Балкарию» – в дальнейшем, по ходу развития событий поэмы, Гуртуев ни разу не упоминает ни революцию, ни гражданскую войну.

Еще более явным уход от тематики классовой борьбы ощущается в поэмах «Чалкъычыла» / «Косари» и «Кёлде болгъан иш» / «На берегу озера». «Косари» – произведение весьма объемное, но по ходу описания сенокосной страды в балкарском селе Гуртуевым не используется ни одного понятия, ни одного образа, имеющего прямое отношение к поэтике революционной борьбы, комфортного существования в народном государстве, проблеме противостояния нового и старого.

Революционную и политическую семантическую нишу, образовавшуюся в событийном и объектном содержании поэмы, Гуртуев заполнил нейтральными описаниями. Более того, справедливо ощущая нейтральность (идеологическую) таких поэтических картин, как передача моментов технологии сенокоса или даже физиологическое описание, он массивно внедряет их в ткань поэмы, прибегая к детализации при подаче процесса. Именно поэтому Омар – один из героев «Косарей» – не просто пьет айран, разведенный водой – нет, он его «цедит сквозь усы» и «глотает, двигая кадыком».

По этой же причине дыхание отдыхающих косарей представляется читателям совершенно по-разному в каждом случае – одни сопят, другие храпят, третьи рычат, либо рокочат во сне. Столь же подробен Гуртуев в обрисовке конструкции косы, самого процесса сенокосения; а уборка сена охватывает все её стадии – от появления первых валков до смётывания скирд с чёткими терминологическими указаниями на все промежуточные стадии – клок, сноп, малая копна (лыппыр), копна, стог.

Схожим презентативным рисунком обладает и небольшая по объему поэма «На берегу», в ее тексте Гуртуев также не обращается к идеологическим символам и образам.

Тем не менее, анализ концептуальной базы послевоенных поэм балкарского автора позволяет утверждать – данные тексты полностью основываются на традиционной для Б. Гуртуева схеме бинарного противостояния позитивного-негативного, а сами эти конструкты напрямую зависят от привычных для довоенной поэзии соотношений классово-идеологического толка.

В сущности, предполагать столь радикальное изменение сознания автора, позволившее ему полностью отказаться бы от индивидуальной устоявшейся системы ценностей и стандартов восприятия окружающего бытия, практически невозможно. Что же касается текстуального воплощения стереотипов отражения Б. Гуртуева – можно с полным на то основанием констатировать, что он в своем послевоенном творчестве создал особый тип идеологической оппозиции, который можно назвать скрытой, или *латентной*, идеологемой.

Пытаясь вычленить ее, так сказать, в «чистом» виде, мы обратились к текстам «Косарей» и «На берегу», так как, невзирая на сознательный отказ от традиционного оппозиционного описания, Гуртуев однозначно представляет своим читателям борьбу положительного и отрицательного миров в поэмах «Жулдузхан» и «Среди друзей». Что же касается двух первых упомянутых произведений – концепт столкновения позитивного-негативного в «Косарях» ощущается в самой постановке визуальных картин. В условиях, когда в представляемых автором картинах нет ни одного темного пятна, когда все подчеркивает радостно-положительный характер совершаемого действия, когда даже колористический рисунок поэмы отмечен лишь позитивными

тонами и даже сама ночь «расцвечена блестящими звездами, искрами и костром», стреляющим «светлыми углями», негативная составляющая бытия неизбежно ожидается сознанием читателя.

Пусть темная сторона жизни остается скрытой фигурой умолчания, но именно тотальный характер позитива, пронизывающего текст произведения, делает этот предполагаемый сектор мироздания особенно ощутимым. В определенном смысле поэма требует для себя равноценного дополнительного текста – текста, предваряющего существующий. Исключение этой гипотезируемой части произведения – сознательная целевая установка автора, но, однако, не все поддается его воле.

По всей видимости, опыт бинарного оценочного членения мира был у Гуртуева на уровне подсознания. И, пытаясь атрибутировать процессы скрытой идеологической идентификации, мы сталкиваемся с несколькими невыделенными, но весьма показательными особенностями поэтического изложения Гуртуева.

Например – соседство любого, даже косвенного упоминания о прошлой жизни со знаковыми объектами новой социалистической реальности. Так, мимолетная адресация к прежней, очевидно, тяжелой жизни Омара («Многое видевший старый Омар»), тут же пресекается с образом нового мира – механической сенокосилкой.

Или – сцена гадания по бараньей лопатке и ломания бедренной кости барана. Думается, нелишним будет сказать, что Берг Гуртуев, в силу своего социального положения неизбежно участвовал в многочисленных кампаниях советской власти в первые два её десятилетия. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. среди них была и борьба с предрассудками – в рамках известной «Ликвидации безграмотности». Сегодняшний читатель может воспринимать описанные в поэме картины как сугубо этнографическую деталь, живописующую моменты быта горцев той поры, но для Гуртуева гадание по лопатке – однозначно мета (знак) прошлого, того мира, в борьбе с которым прошла его молодость.

Поэтому после гадания Мухажира и промежуточной сцены с бедренной костью следует обширный экскурс в мир светлого настоящего – с почтальоном, газетами, любителем чтения Жагафаром и доступностью информации из любой точки. Старое и прошлое в поэме сосуществуют в едином неантагонистическом объеме, но, тем не менее, именно их параллельное бытие и определяет художественный конфликт произведения – потенциальный, скрытый, но от этого не менее реальный. По справедливому утверждению М. Улакова, «степень экспрессивной окрашенности слова можно определить лишь в контексте» [7, с. 131]. В поэме «На берегу» поэт применяет еще более нейтральные в аксиологическом смысле бинарные оппозиции – противопоставление Добака и подростков сугубо возрастное, в конце концов, получающее свое дидактическое резюме. Но визуальная и акустическая подача старого мужчины-ворчуна говорит о многом. Дефекты речи, транслируемые нам автором – не просто образная деталь. Генетически она восходит к литературе классового конфликта, в текстах которой отрицательные герои были сплошь уродами и неполноценными людьми. И с этим можно было бы и поспорить, если бы не авторская оценочная акцентация, выдержанная в наиболее архаичных традициях представления негативных персонажей: «Рыбак Добак остался один / На берегу озера, // Словно одолеваемая жадностью, вышедшая на охоту / Злобная рысь» (*подстрочный перевод – прим. авторов – Ф. У., А. С.*) [1, с. 330].

Возвращаясь к поэме «Косари», необходимо отметить, что и в ее тексте существует эпизод скрытых противопоставлений, имеющих идеологическое происхождение. Дан он автором, опять-таки, вскользь, в форме конкретной бытовой детали, но – с резюмирующей частью: «...Шеша чыракъ орнуна / Башы чыракъ жарытад, // Жылдан жылгъа жарыкълыкъ / Айныгъанын танытад» [Там же, с. 274]. / «Вместо фитильной масляной лампы / Светит лампа со стеклянной колбой (керосиновая), // Свет от года к году / Дает понять, что он растет (возрастает)» (*подстрочный перевод – прим. авторов – Ф. У., А. С.*).

Скрытый конфликт в поэмах Гуртуева вообще часто материализуется в виде конкретики предметов – во всяком случае, все бытовые предметы, вошедшие в обиход горцев за годы Советской власти или приписываемые ей, в его текстах жестко связаны только лишь с ярко выраженными представителями нового времени – в «Косарях» это механическая косилка, газета, телефон, даже папиросы, в поэме «На берегу» таковыми предстают коньки и школа.

Подводя итог сказанному надо отметить, что косвенное, не прямое противопоставление имеет несколько функциональных значений.

Во-первых, скрытая идеологема, столь четко проявленная в произведениях Б. Гуртуева, знаменовала собой отход от жесткого этико-эстетического противостояния, свойственного новопоисменным литературам на начальных этапах их развития.

Во-вторых, сам характер текстуального воплощения скрытой идеологемы, предполагавший столкновение (реминисцентное), допускал к реализации её изначально неконфликтные образы и концепты, что способствовало укрупнению системы оппонирующих элементов.

И в-третьих, скрытая идеологема фактически означала переход к новым системам поэтического изображения, более ориентированного не на условные конфликтные пары, пришедшие из эпохи лозунговой эстетики, а, скорее, на материальные, конкретные объекты – нейтральные изначально, в силу своей партийной, классовой, идеологической и любой другой индифферентности.

Список литературы

1. Гуртуев Б. И. Избранное: в 2-х т. / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1993. Т. II. 360 с.
2. Сарбашева А. М. Гуртуев Берг Измаилович // Писатели Кабардино-Балкарии (XIX-конец 80-х гг. XX в.): библиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 154-157.
3. Сарбашева А. М. Формирование историзма мышления и балкарский роман. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2001. 148 с.

4. Теппеев А. М. Поэзия первого послевоенного десятилетия. 1941-1956 // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 144-152.
5. Толгуров З. Х. Берт Гуртуев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 321-331.
6. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия 20-30-х годов XX в.: специфика художественного мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50). Ч. 2. С. 194-197.
7. Улаков М. З. Избранные труды. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2010. 364 с.

HIDDEN IDEOLOGEME IN B. GURTUEV'S POST-WAR CREATIVE WORK

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology
Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
kbigi@mail.ru; kbigi@mail.ru

The article investigates the post-war creative activity of the Balkar writer B. Gurtuev. The author identifies the attempts to adopt the new systems of poetical representation focused mostly not on the conditional conflict pairs coming from the slogan esthetics epoch but on the neutral material, concrete objects; creating the special type of ideological opposition – hidden or latent ideologeme – served as a means of realization.

Key words and phrases: new type of written literature; system of poetical representation; post-war poetry; ideological opposition; poetics of class confrontation; political utilitarianism; latent ideologeme; system of hidden oppositions.

УДК 82.09

В статье раскрыты особенности конфликта человеческого и духовного миров в произведениях К. Иванова. Анализируя такие произведения, как «Нарспи», «Раб дьявола», «Железная мялка», автор отмечает, что чаще всего конфликт разыгрывается между самыми близкими людьми, заканчиваясь трагедией. В статье сделан акцент на том, что в произведениях К. Иванова духовный мир всегда находится в равновесии, и только ему подвластно управлять человеческим миром, а попытка расшатать устоявшиеся человеческие каноны непременно приводит к печальному исходу.

Ключевые слова и фразы: Константин Иванов; поэма «Нарспи»; баллада-притча «Железная мялка»; трагедия «Раб дьявола»; духовный мир; человеческий мир.

Чекушкина Елена Петровна, к. филол. н.

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
enarpi@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО МИРОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ИВАНОВА

На сегодняшний день произведения чувашского классика Константина Иванова, поэта начала XX века, исследованы довольно многими литературоведами [1; 2; 5]. Задумываясь о роли поэта в развитии чувашской литературы, литературовед Н. Н. Осипов отмечает: «Автора мало интересовали вопросы сиюминутного пребывания чувашей в конкретном историческом времени. Ему как гениальному художнику было интересно, чем определяется художественное общественное сознание народа, как оно формировалось и сохранялось в глубинах веков» [4, с. 45]. В частности, и нами было изучено своеобразие представления образа солнца в поэме «Нарспи» К. В. Иванова [7]. Однако его произведения требуют еще более глубокого осмысления и дальнейшего анализа, а в связи с этим, на наш взгляд, проблема изучения конфликта человеческого и духовного миров в произведениях К. Иванова является актуальной. Цель данной работы – исследование как межличностных отношений героев в произведениях, так и отношений в духовной сфере.

В творчестве К. Иванова достаточно четко прослеживается не только конфликт между героями, возникший из-за их социального неравенства, например, в поэме «Нарспи» между родителями Нарспи и Сетнером: «Асу-аннў пит пуян! Хайсен пуянлӑхӑле Пӑрӑнаҫҫӗ ҫук ҫынран» [3, с. 98] / «Твой родитель – богатей / И, кичась добром, он бедных / Не считает за людей» [Там же, с. 99] (*перевод с чувашского здесь и далее – П. Хузангая – Ч. Е.*)), или в силу каких-либо убеждений героев (например, между Нарспи и ее родителями: «Арӑм пулнӑ пуҫӑмпа Киле пырса тӑрӑп-и? Савман качча кайсассӑн, Татах асап чӑтӑп-и? Ҫук, ҫук, атте, ан чӑн те: Халь тин киле пыраймӑп...» [Там же, с. 186] / «Я не девушка, зачем же / Возвращаться мне домой? / Чтобы снова нелюбимый / Измывался надо мной? / Нет, отец, и не зови ты: / Поздно...» [Там же, с. 187]), но также отражается конфликт человеческого и духовного миров. Исследователь С. А. Александров в работе «Поэтика Константина Иванова», подчеркивая связь поэмы «Нарспи» с мифологическим началом, часто упоминает «Древо жизни», «Природу», «Глас провидения», «Мироздание», «Космос», которые фактически подразумевают духовный мир чувашей. Так, например, он пишет: «Древо противится произволу личности, ибо